

УДК 008-044.347(=21):008(1-15)

И. И. Таркан

Рецепции индийской культуры в западной интеллектуальной традиции

Осуществляется историческая реконструкция рецепции индийской культуры западными исследователями. Выделяются три этапа в развитии этого процесса: 1) мифологизация экзотической индийской культуры западными интеллектуалами; 2) становление академического интереса к феноменам индийской культуры; 3) научный анализ форм и практик индийской культуры, выявление ее содержания и специфики. Раскрываются место и роль белорусских исследователей в контексте становления и развития индологической науки. Исследуемый культурный диалог Запада и Востока в условиях современной глобализации является актуальным и вызван необходимостью взаимопонимания и взаимодействия культур.

Цель статьи заключается в осуществлении теоретической реконструкции эволюции видения индийской культуры западной традицией.

В условиях современной культурной диффузии, при которой происходит интенсивное распространение форм и смыслов восточных традиций в культурном пространстве западного общества, вопрос об их изучении приобретает не только теоретическую, но и социально-практическую значимость. Индийская и другие восточные культуры оказывают влияние на трансформацию повседневности западного общества. Исследователи отмечают, что в отличие от других культурных традиций (например арабо-мусульманской) индийская обладает высокой степенью адаптивности и неконфликтности по отношению к ценностям западного общества [10, с. 267]. Отчасти это объясняется популярностью разработанных психофизических техник в виде многочисленных практик йоги. Они позволяют человеку улучшить психофизическое здоровье, не требуя от него радикального переосмысления или отказа от собственных ценностных ориентиров.

Популярность элементов индийской традиции также объясняется универсальностью дхармических религий, в которых многие идеи и техники применимы вне их смыслового контекста. Например, представление об аватарах позволяет интегрировать сакральные формы других религий в качестве объекта почитания в индуизме или буддизме. Отсутствие централизованной структуры в дхармических религиозно-мистических практиках не предполагает приобщения адептов к храмовой иерархии. При этом главным условием духовного прогресса являются межличностные отношения наставника (гуру) и ученика. Это привлекает ту часть населения, которая занята поиском ответов на смысложизненные вопросы в религиозно-мистических практиках, при

этом не желая себя ограничивать рамками институционально-иерархических отношений.

Процесс диалога культур предполагает постоянную рефлексию над рецепцией ценностей другой культуры. Такую позицию самоотчетности собственного восприятия инокультурных форм и смыслов М. М. Бахтин называл вненаходимостью, которую он считал принципом сохранения культурного разнообразия как главного условия диалога культур [6, с. 98].

Задолго до оформления индологии в качестве научной дисциплины достаточно широкий круг вопросов, связанных с индийской культурой, получил освещение в работах античных и средневековых авторов. Начиная с первых контактов между античной и индийской цивилизациями, древнегреческие авторы проявляли интерес к природным условиям, истории, социальному укладу и религиозным верованиям индийского общества. Так, в «Истории» (V в. до н. э.) Геродота приводятся данные об историческом прошлом этой восточной страны и ее населении. Именно благодаря Геродоту сформировалось представление об Индии как о «стране чудес» [7, с. 5–6].

В средневековой западноевропейской литературе главным источником сведений об Индии была поэма «Роман об Александре», составленная французскими поэтами в XII в. во время расцвета крестовых походов и формирования рыцарской эстетики. В произведении повествование ведется не столько об Индии, сколько о рыцарском идеале. Главный герой Александр Македонский предстает в образе христианского воителя, покорившего многочисленные страны Востока, включая Индию. Четвертая часть поэмы, посвященная фантазийному рассказу об Индии, изобилует расхожими в то время экзотическими образами. Индия предстает как страна диковинных зверей, невообразимых богатств, нагих мудрецов и др. [26].

Развитие капитализма в Западной Европе ознаменовало начало политики колониальных захватов. Открытие морских путей и установление непосредственных контактов с Индией открыло европейским просветителям широкие возможности для накопления информации и изучения индийского общества. Иезуитские и протестантские миссионеры, такие как Томас Стивенс, Роберто де Нобили, Бартоломе Цигенбальг, собирали индуистские рукописи, изучали санскрит и разговорные языки, осуществляли переводы христианской канонической литературы, публиковали грамматики и словари индийских языков. Тем самым они разрабатывали методы филологического анализа и закладывали методологические основы научного изучения Индии. Это послужило предпосылкой для становления и развития индологии в качестве самостоятельной научной дисциплины в конце XVIII в.

В историографии ранней индологии исследователи выделяют несколько направлений: просветительское, утилитаристское и романтическое [1, с. 17].

Просветители провозглашали рациональность как безусловную ценность и свободу как главную цель, достигаемую через образование. Центром данного направления в Индии было Азиатское общество Бенгалии, основанное в 1784 г. в Калькутте Уорреном Гастингсом – первым генерал-губернатором Ост-Индской компании и покровителем наук. Азиатское общество, представлявшее собой небольшой кружок образованных англичан, которые были служащими компании, время от времени собиралось для обсуждения докладов и сообщений. Будучи сторонниками идей Просвещения, они были убеждены, что для управления Индией необходимо глубоко знать ее культуру и руководствоваться местными законами и обычаями. Поэтому они уделяли много времени изучению индийских языков и переводам литературы, составляли «кодексы индусского права» на основе санскритских источников [42, р. 66–67].

Наибольшую известность среди членов Азиатского общества приобрел Уильям Джонс. Будучи по образованию филологом, он установил сходство санскрита с греческим и латинским языками, ввел понятие «индоевропейского языка», отражающее идею о существовании общих основ европейских языков и санскрита. По его предположению, в древности существовала индоевропейская цивилизация, потомки которой – арии – вторглись в индийский субконтинент и современную Европу, создав там великие культуры прошлого [39, р. 4458]. Разработав метод сравнительно-исторического языкознания и сформулировав идею индоевропейской (индоарийской) цивилизации, У. Джонс создал методологические основы и обозначил концептуальные рамки для научно-специализированного изучения Индии. Тем самым он положил начало профессиональной индологии.

Утилитаристы по своим взглядам были близки просветителям, но главное для них – принцип полезности. С позиции утилитаризма уровень цивилизации определяется тем, в какой мере она рациональна и придает должное значение свободе индивидуальности. С этой точки зрения ни о каких достижениях отсталых азиатов вообще не могло быть речи. Индия нуждается не в изучении, а в сильной власти и распространении на ее территории европейского образования. В этом духе была написана «История Британской Индии» Джеймса Милля [41]. В ней он отмечал, что изучением Индии должны заниматься не столько исторические науки, сколько естествознание, поскольку страна не вышла из доисторической стадии развития. В целом утилитаристы интересовались, прежде всего, методами управления и потому обращали внимание глав-

ным образом на период мусульманского господства, поскольку из последнего они могли почерпнуть опыт управления Индией.

Романтики проявляли интерес к другим культурам, изучению их национальных особенностей. Признавали, что каждая культура имеет свою систему ценностей. Особое внимание романтики уделяли истории, эстетизировали древность и пытались найти в прошлом общие корни человеческой цивилизации. Поэтому гипотеза о существовавшей некогда индоарийской цивилизации, сформулированная У. Джонсом, стала исключительно популярной в романтической среде. Об отношении романтиков к культуре Индии и, в частности, санскриту свидетельствуют следующие строки из работы «О языке и мудрости индийцев» Фридриха Шлегеля: «Все вытеснил санскрит, здесь действительно источник всех языков, всей поэзии, всей истории человеческого духа – все, все происходит из Индии, без исключения» [45, р. 642–643]. Тем же пиететом пронизаны упоминания об Индии в работах В. Гумбольдта, И. В. Гёте, И. Г. Гердера и др.

Под влиянием европейской индоевропеистики начинает развиваться санскритология и в России. Одним из первых исследователей, сделавших значительный вклад в становление русской школы индологии, был выходец из Беларуси К. А. Коссович [18]. К изучению санскрита его подтолкнули славянофилы, воодушевленные идеей исторического родства санскрита и славянских языков. В частности, А. С. Хомяков, увлеченный поисками древнеиндийских слов, сходных со славянскими, утверждал, что будто из всех существующих европейских языков нет ни одного, который был бы так близок санскриту, как русский [27, с. 335]. Памятником такого же рода энтузиазма является подготовленный К. А. Коссовичем «Санскрито-русский словарь». Автор сопроводил все санскритские слова русскими буквами и расположил их в порядке русского алфавита, чтобы облегчить пользование им для лиц, «не знающих санскритского языка» [14, с. VIII]. Когда в Петербургском университете был образован факультет восточных языков, К. А. Коссович в должности экстраординарного профессора преподавал санскрит и древнеперсидский язык. В России он выступил активным популяризатором санскрита и способствовал формированию индологии как научной специальности [13, с. 203].

Индоевропейская гипотеза дала мощный импульс для развития индологии и всего востоковедения. Фактически во всех университетах Европы были созданы кафедры санскрита. Основаны первые востоковедческие организации. Накоплены литературные памятники и сделаны многочисленные переводы санскритских текстов. Индоевропеистика стала ведущей областью сравнительно-исторического языкознания, образцом для исследования других родственных групп языков.

В конце XIX – первой половине XX в. индология, освободившись от индоевропеистики, превратилась в комплекс специальных дисциплин.

В центре ее внимания были по-прежнему санскритские тексты, но их анализ осуществлялся в контексте реальной индийской, а не гипотетической индоевропейской (индоарийской, индогерманской) культуры.

В это время бурное развитие получила буддология, что было связано с накоплением и переводом буддийских текстов, переосмыслением роли буддизма в истории индийского общества. Если ранее индийская культура строго отождествлялась с индуистской традицией и санскритской литературой, то с переводом текстов, написанных на пракрите, ученые пришли к пониманию ключевой роли буддизма в социально-культурных и политических трансформациях Индии в середине I тыс. до н. э. Наиболее известными представителями «мифологической» и «исторической» школ буддологии первой половины XX в. были Эмиль Сенар и Томас Рис-Дэвидс [40, p. 1312].

Появились работы по политической истории Индии. Ранее среди индологов считалось, что все структуры центрального и местного управления были привнесены в индийское общество извне – мусульманами и англичанами. С развитием эпиграфики и переводом трактата «Артхашастра» (автор-составитель Каутилья), ученые открыли политическую и экономическую сферы Древней Индии. Иоганн Якоб Мейер писал: «Артхашастра открыла материалистическую в своей основе Индию» [13, с. 230]. Фундаментальная работа по политической истории Индии была проведена сотрудниками Лондонской школы востоковедения, результаты которой опубликованы в первом томе «Кембриджской истории Индии» [44].

Благодаря открытиям в археологии важное место занимает тема, связанная с неарийскими культурами и их влиянием на индийскую культуру. Выдающимся достижением археологии было открытие Д. Р. Сахни [36] и Р. Д. Банерджи [37] в 20-х гг. XX в. древней цивилизации в долине р. Инд. Оно кардинально изменило прежние представления о ранних этапах истории Индии. Если в науке XIX в. Индия рассматривалась исключительно в индоевропейском контексте, а ее древняя история сводилась к расселению ариев и созданию их государств в Северной Индии, то с открытием индской цивилизации внимание ученых привлекают история и культура неарийского населения. Изучается юг полуострова, населенный дравидами. Лингвисты обнаруживают дравидизмы в санскрите и языке «Ригведы». Индологи пытаются объяснить неарийским влиянием самые существенные элементы религии индуизма: почитание коровы, реинкарнацию, кастовую структуру и др.

Еще одним важным направлением становится исследование истории социально-экономических отношений в индийском обществе. Данной проблематикой занимались преимущественно советские индологи и их зарубежные коллеги, которые придерживались марксистских взглядов на историю. Принимая тезис о том, что подлинная история лежит

в развитии экономики, индологи-марксисты отрицали идею о специфике индийского духа, призывали выявлять общие закономерности, применимые к любому азиатскому обществу. Основные вопросы были направлены на выяснение особенностей индийского рабовладельчества и феодализма, в этой связи велись дискуссии об азиатском способе производства [2, с. 35–36].

Значительный вклад в развитие советской индологии сделал выходец из Беларуси – Владимир Васильевич Балабушевич, руководивший в 50–60-е гг. Отделом Индии Института востоковедения АН СССР. По словам Л. Б. Алаева, открытие Отдела Индии и поддержание в нем здоровой рабочей атмосферы – заслуга В. В. Балабушевича. Четырехтомная «История Индии» была создана по его инициативе и при его постоянном участии: «Сочетание благоприятной конъюнктуры (хрущевская “Оттепель” и резкое расширение Института) с исключительными “менеджерскими” (как мы сказали бы сейчас) и человеческими качествами Владимира Васильевича привели к тому, что время его руководства <...> стало золотым веком отечественной индологии. Сотрудники Отдела играли ведущую роль во всех дискуссиях, которые в то время проходили в востоковедении...» [1, с. 193–194].

Во второй половине XX в. в западном обществе происходят существенные социокультурные изменения, оказавшие влияние на дальнейшее развитие индологической мысли. В контексте молодежного авангарда конца 60 – начала 70-х гг. индийская культура получила широкое распространение в среде западноевропейской и американской молодежи. Будучи разочарованными в культуре буржуазного общества, хиппи путешествовали в Индию в поисках чистой любви и внутренней гармонии. Духовные ценности индийской культуры они рассматривали как альтернативу западному милитаризму и консьюмеризму.

На волне движения хиппи приезжали индуистские духовные лидеры, которые открывали школы йоги и формировали круг посвященных учеников из своих европейских и американских последователей. Тем самым индийская философия, религия, искусство вышли за границы своей традиционной культуры и стали существенной частью образа жизни западной молодежи. Вопросы влияния индийской культуры на ценности и идеалы западного общества, ее модификация в новых культурных условиях – все это стало предметом академических исследований во второй половине XX в.

Среди индуистских групп своей массовостью и охватом миссионерской деятельности выделяется Международное общество сознания Кришны (МОСК). Многие исследователи непосредственно или косвенно обращаются в своих работах к вопросам, связанным с распространением и деятельностью движения сознания Кришны в странах Запада. Ввиду того, что в середине 70-х гг. нонконформистский характер МОСК

стал ослабевать, появились работы о проблемах адаптации этого общества в Западной Европе и США, предпосылках возникновения и закрепления этого религиозного течения в чуждой ему культурной среде [31– 34].

Западные ученые, такие как А. Л. Бешем, К. К. Клостермайер, Т. Дж. Гопкинс классифицируют МОСК как традиционное продолжение движения кришна-бхакти, начатого в XVI в. бенгальским святым Чайтаньей [29; 38; 43]. В этой связи появляется ряд работ, посвященных социокультурным истокам МОСК. Исследователи обращают внимание на феномен бенгальского вайшнавизма и учение его основателя – Чайтаньи. Так, А. Н. Чаттерджи отмечает, что в лице Чайтаньи, бенгальский вайшнавизм сыграл одну из ведущих ролей в движении бхакти, которое необычайно сильно повлияло на культурную и социальную жизнь Индии эпохи Моголов и британского владычества [30, р. 44–45]. Согласно М. Т. Кеннеди, движение, основанное Чайтаньей, произвело почти социальную революцию, чему способствовали свойственные ему социальная направленность, интерес к человеческой личности и гуманизм [35, р. 5–6]. По оценкам Д. П. Шеридана, в религиозном плане бенгальский вайшнавизм являлся последним крупным самобытным течением в рамках вайшнавизма [28, с. 310].

В связи с распространением восточных учений (кришнаизм, рихианство, раджнишизм) в СССР и на постсоветском пространстве стали появляться русскоязычные исследования по неоориентализму (А. А. Ткачева, Б. З. Фаликов) [21; 23; 25]. К более поздним исследованиям по этой теме относятся работы Е. Г. Балагушкина, Н. А. Трофимчука, М. П. Свищева, А. А. Ткачевой [4; 5; 22; 24].

На рубеже XXI в. появились новые труды ведущих специалистов. Увеличилось количество диссертационных исследований, посвященных правовым, политологическим, философским, социологическим, культурологическим аспектам: Я. А. Афанасенко, Е. Н. Голубева, Л. Г. Рагозина, Ю. А. Сошин [3; 9; 19; 20].

Некоторые белорусские ученые в 90-х гг. XX в. посвятили исследования изучению новых религиозных движений, в том числе и неоориентальных. Особый интерес представляет сборник статей «Неокульты: “новые религии” века?» [15], в котором опубликованы работы белорусских авторов: Е. С. Прокошина, И. Ф. Рекуц, О. В. Дьяченко, Е. К. Агеенкова. О неоиндуистском движении в Беларуси писали А. В. Верещагина, Л. Е. Земляков [8; 12]. Этнографическому изучению общества сознания Кришны (особенностям повседневной жизни членов этого движения) посвятил свои исследования А. В. Гурко [11].

Важное значение для современной белорусской индологии имеют исследования О. В. Перзашкевича, который в диссертации «Варна брахманов в социальной структуре ригведийского общества» и последующих

работах падчэрківаў ролю і месца жрэчства, яго функцыі і становішча ў дрэвнэіндыіскаму абабшчэству [16]. У якавстве прадмета ісследавання для О. В. Перзашкевіча выступаюць рывгведыйскія (ранневедыцкія) тэксты. На іх аснове аўтар рэканструіраваў рывгведыйскія інстытуты і іх історыіскае значэнне. Ісходзячы з тэкстаў, аўтар выдвінуў прадпалажэнне аб існаванні ў рывгведыйскім абабшчэству жрэчэскага дзяржаваства. О. В. Перзашкевіч паслядоўна крытыкуе канцэпцыю арыіскага вторжэння, даказваючы аўтахтоннасць мясцовага насельніцтва эпохі Рывгведы [17, с. 31].

Такім абабразам, асабшчэствленая вышэ тэарэтыіская рэканструкцыя пазваляе выявіць наступныя этапы ў развіцці індологііскай традыцыі Запада (ад праднаўчнага да савременнага).

На першым этапе (да XVIII в.) Індыя воспринимается как сказочная страна, которая остается экзотической и непонятной для античных историков и географов, средневековых поэтов и христианских миссионеров.

На втором этапе (с конца XVIII в.) осуществляется научное изучение Индии, характеризующееся целенаправленным стремлением западных исследователей понять индийскую культуру. Однако, развиваясь в контексте ориентализма, это понимание испытывает большое влияние европоцентристского дискурса с его установками на описание восточных культур как более отсталых по сравнению с западной.

Третий этап (со второй половины XX в.) связан с активизацией кросс-культурного взаимодействия западной и индийской культур в условиях глобализации. Участники кросс-культурных коммуникаций стремятся понять другую культуру посредством практикования ее норм и принципов в повседневной жизни. Исследования этого периода посвящены решению проблем межкультурного диалога, связанных в условиях современной глобализации с поверхностной трактовкой восточных культурных смыслов в контексте западной традиции.

1. Алаев, Л. Б. Историография истории Индии / Л. Б. Алаев. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2013. – 472 с.

2. Алаев, Л. Б. Советская школа индологии. Исторические исследования (1917–1991) / Л. Б. Алаев // Россия – Индия: перспективы регионального сотрудничества (Липецкая область). – М., 2000. – С. 25–41.

3. Афанасенко, Я. А. Социально-философский анализ становления новой религии : дис. ... канд. филос. наук. : 09.00.11 / Я. А. Афанасенко. – Пермь, 2000. – 172 с.

4. Балагушкин, Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ / Е. Г. Балагушкин. – М. : ИФРАН, 1999. – Ч. 1. – 244 с.

5. Балагушкин, Е. Г. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен / Е. Г. Балагушкин // Общественные науки и современность. – 1996. – № 5. – С. 90–100.

6. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. – М., 2003. – Т. 1 : Философская эстетика 1920-х гг. – С. 69–263.

7. *Бонгард-Левин, Г. М.* Индия древности / Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. – М. : Наука, 1985. – 758 с.
8. *Верещагина, А. В.* Конфессии: развитие в многообразии / А. В. Верещагина // Беларус. думка. – 1996. – № 8. – С. 54–59.
9. *Голубева, Е. Н.* Идеология и практика современных межконфессиональных молодежных движений : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.06 / Е. Н. Голубева. – СПб., 1996. – 141 с.
10. *Горохов, С. А.* Роль индуизма в общественно-политической жизни Индии / С. А. Горохов // Преподаватель XXI век. – 2011. – № 2. – С. 266–272.
11. *Гурко, А. В.* Вайшнавизм и его особенности в Беларуси : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / А. В. Гурко ; АН Беларуси, Ин-т искусствovedения, этнографии и фольклора. – Минск, 1993. – 27 с.
12. *Земляков, Л. Е.* Государство и религия: новые отношения / Л. Е. Земляков // Беларус. думка. – 1997. – № 12. – С. 21–28.
13. *Историография истории Древнего Востока : в 2 т. / под ред. В. И. Кузищина.* – М. : Высш. шк., 2009. – Т. 2. – 416 с.
14. *Коссович, К. А.* Санскрито-русский словарь / К. А. Коссович. – М. : АБВ, 2017. – 360 с.
15. *Неокульты: «новые религии» века? / Е. С. Прокошина [и др.] ; под ред. А. С. Майхровича.* – 3-е изд., доп. – Минск : Четыре четверти, 2000. – 240 с.
16. *Перзашкевич, О. В.* Варна брахманов в социальной структуре ригведийского общества : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. В. Перзашкевич. – Минск, 1999. – 142 с.
17. *Перзашкевич, О. В.* Ригведийское жречество / О. В. Перзашкевич. – Минск : БГУ, 2014. – 327 с.
18. *Прохоров, А. А.* Каэтан Андреевич Коссович (1814–1883) – первый санскритолог белорусских земель / А. А. Прохоров // Великое культурное наследие Индии и Беларуси : к 75-летию Пакта Рериха : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 сент. 2010 г. / Ин-т философии НАН Беларуси ; ред.: Н. П. Германова [и др.]. – Минск, 2011. – С. 13–28.
19. *Рагозина, Л. Г.* Государственно-церковные отношения и правовые положения нетрадиционных конфессий в России : опыт осмысления проблемы / Л. Г. Рагозина // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 1997. – № 1 (11). – С. 27–32.
20. *Сошин, Ю. А.* Религия и молодежная субкультура : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.06 / Ю. А. Сошин. – Ростов н/Д, 1999. – 126 с.
21. *Ткачева, А. А.* Индуистские мистические организации и диалог культур / А. А. Ткачева. – М. : Наука, 1989. – 139 с.
22. *Ткачева, А. А.* Кришна Харе! / А. А. Ткачева // Азия и Африка сегодня. – 1993. – № 8. – С. 56–57.
23. *Ткачева, А. А.* Новые религии Востока / А. А. Ткачева ; АН СССР, Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1991. – 216 с.
24. *Трофимчук, Н. А.* Экспансия / Н. А. Трофимчук, М. П. Свищев. – М. : РАГС, 2000. – 218 с.
25. *Фаликов, Б. З.* Неоиндуизм и западная культура / Б. З. Фаликов ; Рос. АН, Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1994. – 221 с.
26. Французский «Роман об Александре» (XII в.) [Электронный ресурс] // Проект филолог. Библиотека «Вавилон». – Режим доступа: <http://online-books.openu.ac.il/russian/jews-and-christians-in-western-europe/part8/chapter1.html>. – Дата доступа: 08.11.2019.
27. *Хомяков, А. С.* Сочинения : в 2 т. / А. С. Хомяков. – М. : Медиум, 1994. – Том 1 : Работы по историософии. – 590 с.
28. *Шеридан, Д. П.* Джива Госвами / Д. П. Шеридан // Великие мыслители Востока / под ред. Я. П. Мак-Грилла ; пер. Н. Баранова [и др.]. – М. : Крон-Пресс, 1998. – 655 с.
29. *A Cultural History of India / ed. A. L. Basham.* – Oxford : Clarendon Press, 1975. – 585 p.

30. Chatterjee, A. N. Srikrnsna Caitanya : A Historical Study on Gaudiya Vaisnavism / A. N. Chatterjee. – New Delhi : Associated Publishing Company, 1983. – 335 p.
31. Johnson, G. The Hare Krishna in San Francisco / G. Johnson // The New Religious Consciousness. – Berkeley, 1976. – P. 31–51.
32. Judah, J. S. Hare Krishna and the Counterculture / J. S. Judah. – New York : Wiley, 1974. – 301 p.
33. Judah, J. S. My Impressions of Srila Prabhupada / J. S. Judah // Back to Godhead. – 1979. – № 14 (8). – P. 29–33.
34. Judah, J. S. The Hare Krishna Movement / J. S. Judah // Religions Movements in Contemporary America. – Princeton, 1974. – P. 463–478.
35. Kennedy, M. T. The Chaitanya Movement : a study of the Vaishnavism in Bengal / M. T. Kennedy. – Calcutta : Association Press (Y.M.C.A.) ; London ; New York : H. Milford, Oxford Univ. Press, 1925. – 270 p.
36. Kenoyer, J. M. Harappa / J. M. Kenoyer // Encyclopedia of India : 4 vol. / ed. S. Wolpert. – Farmington Hills, 2005. – Vol. 2. – P. 170–171.
37. Kenoyer, J. M. Mohenjo-Daro / J. M. Kenoyer // Encyclopedia of India : 4 vol. / ed. S. Wolpert. – Farmington Hills, 2005. – Vol. 3. – P. 140–141.
38. Klostermaier, K. K. Hinduism: A Short History / K. K. Klostermaier. – Oxford : Oneworld publications, 2014. – 352 p.
39. Littleton, C. S. Indo-European Religions : History of Study / C. S. Littleton // Encyclopedia of Religion : 14 vol. / ed. L. Jones. – Farmington Hills, 2005. – Vol. 7. – P. 4457–4466.
40. Lopez, D. S. Buddhist Studies / D. S. Lopez // Encyclopedia of Religion : 14 vol. / ed. L. Jones. – Farmington Hills, 2005. – Vol. 2. – P. 1309–1316.
41. Mill, J. The History of British India : in 10 Volumes / J. Mill, H. H. Wilson. – London : J. Madden, 1858. – Vol. 1. – 376 p.
42. SarDesai, D. R. Asiatic Societies of Bengal and Bombay / D. R. SarDesai // Encyclopedia of India : 4 vol. / ed. S. Wolpert. – Farmington Hills, 2005. – Vol. 1. – P. 65–68.
43. Steven, J. G. Hare Krishna, Hare Krishna : Five Distinguished Scholars on the Krishna Movement in the West. Harvey Cox, Larry D. Shinn, Thomas J. Hopkins, A. L. Basham, Shrivatsa Goswami / J. G. Steven. – New York : Grove Press, 1983. – 276 p.
44. The Cambridge History of India : VI vol. / ed. E. J. Rapson. – Cambridge : Univ. Press, 1922. – Vol. 1 : Ancient India. – 684 p.
45. The Oxford Handbook of the History of Linguistics / ed. K. Allan. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2013. – 946 p.

I. Tarkan

Receptions of Indian Culture in Western intellectual tradition

The historical reconstruction of the reception of Indian culture by Western researchers is carried out. Three stages in the development of this process are underlined: 1) mythologization of exotic Indian culture by Western intellectuals; 2) formation of academic interest to the phenomena of Indian culture; 3) scientific analysis of forms and practices of Indian culture, identification of its content and specifics. The place and role of Belarusian researchers in the context of the formation and development of Indological science are revealed. The cultural dialogue under study between the West and the East in the context of modern globalization is relevant and is caused by the need for mutual understanding and interaction of cultures.

Дата паступлення артыкула: 28.02.2020.